

аудио
книга

Ева
са с
му, не
си
сърце
сем
дети
своята.
Перед
дима
4. как
- това е
минат
моята

ВИКТОР СОСНОРА

избранное

Handwritten text on a CD/DVD surface, partially obscured by a paper sleeve. The text is written in white ink on a black background and appears to be a list or set of instructions.

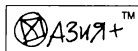
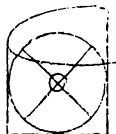

Handwritten text on a paper sleeve, partially obscured by a CD/DVD. The text is written in white ink on a dark background and appears to be a list or set of instructions.

...the ... ..

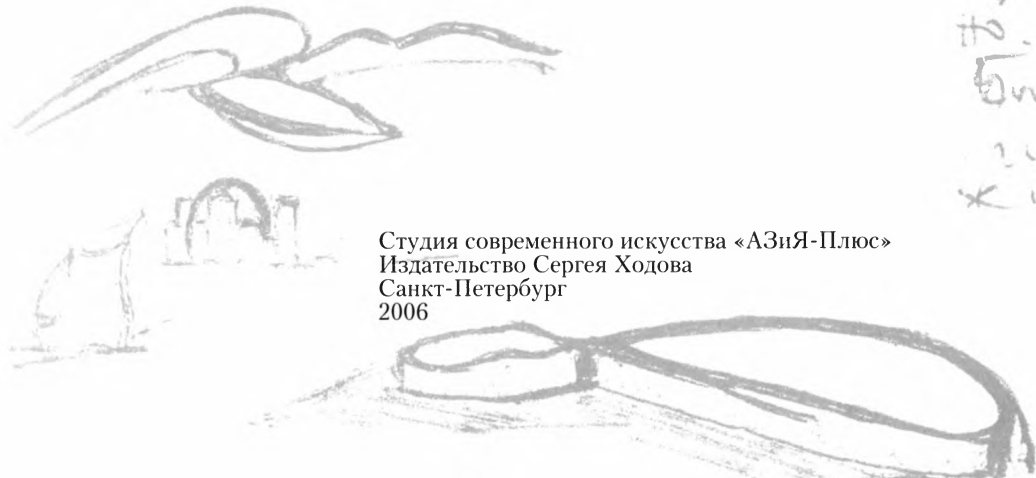
аудио
книга

ВИКТОР СОСНОРА

избранное

стихотворения
в исполнении
автора

Студия современного искусства «АЗИЯ-Плюс»
Издательство Сергея Ходова
Санкт-Петербург
2006

Handwritten notes in the top right corner:
Лук
но. 6
Борн
2 м
X нл

ББК 84 (2Рос=Рус)6
С66

Графика
Виктор Соснора

Звукорежиссер
Александр Деревягин

Фотографии
Нина Ай-Артян

Кураторы
Евгения Логвинова и Николай Якимов

Художественное оформление
Ирина Болотина

Ответственный редактор
Елена Ходова

Соснора В. А.
С66 Избранное: Стихотворения в исполнении автора / Графика В. Сосноры; фотографии Н. Ай-Артян. СПб.: Студия современного искусства «АЗИЯ-Плюс»; Издательство Сергея Ходова, 2006. – 48 с.; 2 CD.
ISBN 5-98456-019-4

Аудиокнига (комплект из книги и двух CD) легендарного Виктора Сосноры выходит в канун его 70-летнего юбилея. Стихотворения для нее отобраны и прочитаны самим автором. Исполнение аудиокниги, включающее в себя печатный текст, самобытную авторскую графику и живой голос поэта, позволит внимательному читателю-зрителю-слушателю по-новому воспринять даже знакомые и любимые стихотворения, даст возможность глубже проникнуть в уникальный художественный мир Мастера.

ББК 84 (2Рос=Рус)6

- (с) Соснора В. А., стихотворения и графика, 2006
- (с) Скидан А. В., статья, 2006
- (с) Ай-Артян Н. Р., фотографии, 2006
- (с) Студия современного искусства «АЗИЯ-Плюс», оформление, 2006
- Фонограмма:
- (р) 2006 Студия современного искусства «АЗИЯ-Плюс»

ISBN 5-98456-019-4

CD

2

«Я – это мы».

I/1

«Искусство – святыня для дураков»,
распятью – расплата,
художник – и Цезарь, и Рубикон
любви и разврата,

атлет и аскет, наперсник и враг,
смертям – аллилуйя!
он Каин, он камень у райских врат,
плевок с поцелуем,

он мать и блудница, мастер мужчин
и женского жеста,
порфиросец и простолюдин,
насильник и жертва,

ладан и яд, амброзия, слизь,
он – истина, месса,
микроб и звезда, скрипка и свист,
гримаса Гермеса,

он плеть и рубец, орало мечей,
о клоун мучений!
палач и паломник, для пули мишень
и пуля в мишени,

лавр и терновник, Сизиф и Вулкан,
вакханка геенны,
в нем нежно и страстно сплелись на века
злодейство и гений!

И, если на землю падут топоры,
Суд Первый – Последний,
и станут пред Богом дворцы и дворы,
престолы, постели,

святыня и ересь, правда и спесь,
причастья позора...

– Ты кто? – спросит Бог. Он ответит: – Я – есть.
А вы – поползете,

наивны, невинны, отнюдь не новы, –
лишь толпы и толпы.

Виновен – лишь он. Он – не выйдет! – не вы! –
Он – есть, сам, и только.

I/2

Ты, близлежащий женщина, ты враг
ближайший. Ты моя окаменелость.
Ау, мой милый! всесторонних благ!
и в «до свиданья» веточку омелы.

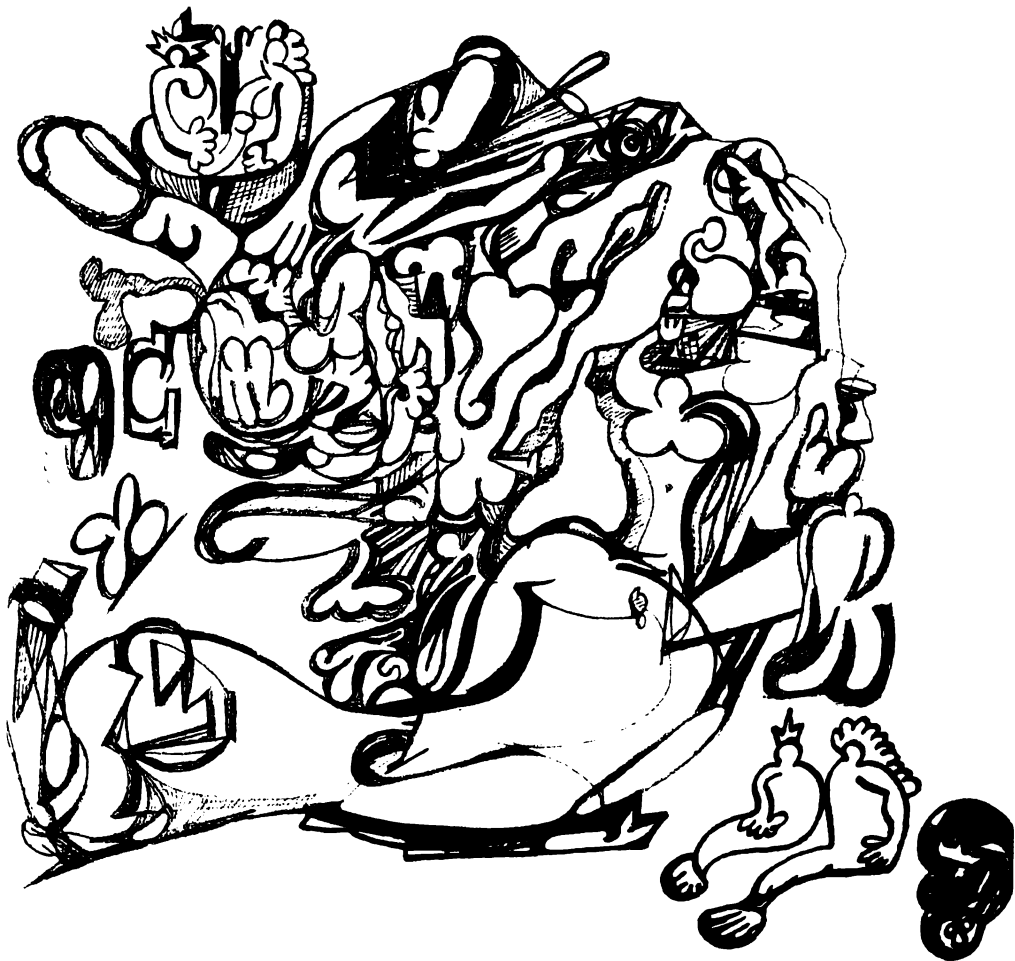
За ласки тел, целуемых впотьмах,
за лапки лис, за журавлиный лепет,
за балаганы слез, бубновый крах,
иллюзии твои, притворный трепет, –

ау, мой мститель, мастер мук, – ау,
все наши Антарктиды и Сахары, –
ау! листаю новую главу,
и новым ядом – новые стаканы.

За ладан лжи, за олимпийский стикс,
за Ватерлоо, за отмену хартий,
за молнии в меня, – о отступись!
Оставь меня. Все хорошо, и – хватит.

Змеиный звон! за землю всех невест
моих и не моих еще, – пью чашу,
цикуту слез. Я не боюсь небес,
их гнев – лишь ласка ненависти нашей.

Униженный, и в ужасе с утра,
как скоморох на жердочке оваций,
о отступись! Еще дрожит струна,
не дай и ей, последней, оборваться.

Пью чашу зла, и пью и днесь и впредь
велье кары и волнеье рока.
Мы в жизни не сумели умереть,
жить в смерти – сверхъестественная роскошь.

ЛИТЕРАТУРНОЕ

I/3

Сверчок – не пел. Свеча-сердечко
не золотилась. Не дремал
камин. В камзолах не сидели
ни Оскар Вайльд, ни Дориан

у зеркала. Цвели татары
в тысячелетьях наших льдин.
Ходили ходики тиктаком,
как Гофман в детский ад ходил

с Флейтистом. (Крысы и младенцы!)
За плугом Лев не ползал по
Толстому. Было мало денег,
и я не пил с Эдгаром По,

который вороном не каркал...
А капля на моем стекле
изображала только каплю,
стекающую столько лет

с окна в социализм квартала
свинцовый. Ласточка-луна
так просто время коротала,
самоубийца ли она?

Мне совы ужасы свивали.
Я пил вне истины в вине.
Пел пес не песьими словами,
не пудель Фауста и не

волчица Рима. Фаллос франка, –
выл Мопассан в ночи вовсю,
лежала с ляжками цыганка,
сплетенная по волоску

из Мериме. Не Дама, проще,
эмансипации раба,
устами уличных пророчиц
шумела баба из ребра

по телефону (мы расстались,
и я утрату утолил).
Так Гоголь к мертвецу-русалке
ходил – любил... потом творил.

Творю. Мой дом – не крепость, – хутор
в столице. Лорд, где ваша трость,
хромец-певец?.. И было худо.
Не шел ни Каменный, ни гость

ко мне. Над буквами-значками
с лицом, как Бог-Иуда – ниц,
с бесчувственнейшими зрачками
я пил. И не писал таблиц-

страниц. Я выключил электро-
светильник. К уху пятерню
спал Эпос, – этот эпилептик, –
как Достоевский – ПЕТЕРБУРГ.

ДОЖДЬ—ДЕКАБРЬ

I/4

Доля декад! –
календарные солнце-луна.
Дождь и декабрь.
Вся Финляндия – боже! – больна.

Верил в статут:
это море мороза в лесах!..
Вербы цветут.
Лес в поганках, залив в волосах.

Тает зола:
это небо надежд и могил,
там в зеркалах
замутненные лица мои

в капельках слез,
по окружностям плеск-пелена...
В карликах звезд
вся Финляндия тоже больна.

Спится, и сон:
я отшельник в пустынь отошел.
Списками сов
и клыками слонов окружен.

Так мало жить:
на коленях коней-колесниц,
да миражи
человеческих кактусов-лиц.

Желудь клевал
одноглавый орел и... душил.
Шел караван
по пустыням-безлюдьям души.

День донимал:
семь верблюдов кувшины несли.
Не до меня.
Семь погонщиков шли – не нашли,

и не могли,
потому что я был в декабре.
Инеем мглы
обрисованы скалы дерев.

Где же снега! –
белолобая в блеске луна?
Грешен, солгал:
вся Финляндия – больше больна!

Дождь с облаков.
Но декабрь тепла не терял.
Что ж. С Новым го-
дом,
с новым горем тебя!

МУХИ (ИСТОРИЧЕСКОЕ)

I/5

Мерзкие мухи... местный орнамент.
Может быть, мухи были орлами
в ветви варягов?

И, осененные диво-делами,
может быть, мухи были двуглавы, –
визг византийства?

Может быть, мухи в очи клевали,
конницу Киева расковали, –
с тьмою татарской?

Кровь на Малюте, кровью Малюты,
может быть, мухи сеяли Смуты, –
отрок Отрепьев?

Или же мухи в роли небесных
флагов, убийц флото-немецких
первопетровских?

Или же мухи в рясах растили
Дом Ледяной под кличкой «Россия», –
бабой Бирона?

Или они посредством «Наказа»
стали совсем бриллиантоглазы, –
флиртом Фелицы?

Или они в сибирях опали
смертью цепей о бульдике-Павле, –
отцеубийства?

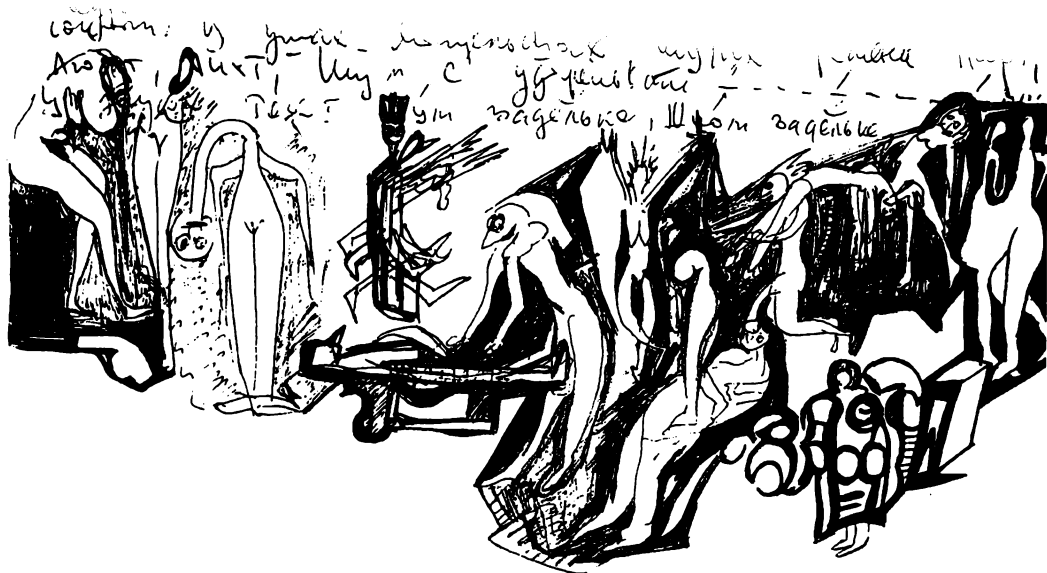

Ревом гусарским в пустыне синайской
мухи махали снегом Сенатской, –
пять в Петербурге?

Может, осели (труд и тулупы!),
все, что живое – трупы и трупы, –
после в потомстве?

Всё, что под именем «многомужье»
преподносили – лишь многомушье, –
блюд балалайки!

И венценосными токарями
в громе с грядущими топорами, –
наша надежда?

ХУТОР ПОТЕРЯННЫЙ

I/6

Тут хутор потерян... Как униям гунн,
как нимфа для финна, как мед молдавана...
дом драм – обещанья, триумфа и губ, –
дом-дым обнищанья... каморка... охрана...
Так в призмах Заката язык мой – зола,
ответы овец, соль-свинина, крольчатник...
Чей призрак здесь жил, волосами звеня?
Чьей цепью Царьграда? – лишь ключник с ключами...
Тогда еще! Был нам незнаем Монгол.
(Кончак – чепуха, подсчитали и хана.)
Но – блуд, окаянство, обман, алкоголь, –
до звезд Византийства!.. Но не было Хама.
Все было, – клянусь. Мы безусцы – юнцы
трудновоспитуемые (или – руссы!)
не в меру мерзавцы, пусть не мудрецы,
(о темен сей терем!) но только – не трусы.
Ну, ночь-поножовщина Новград-моста,
но равенство-радость! но молота удаль!
Ну Марфа Посадница – но не Москва!
Ну, грех Годунова – но не Иуда.
Кто жил здесь в железе? Маэстро? Адъюнкт?
Не Лютер ли? (Ландыши яблонь!) и – тот ли?
Дом – день одиночеств, как аист в аду,
мутант в шлемофоне Барклая де Толли.
Чей жил из желез? Чей тевтон изменял
Ледовым побоищем? Глас – троекратно!..
Чей колокол – клюква?.. Чей аз – из меня?
Так узнику Эльбы – три крапа, три карты.
Читатель стихов! Если дух твой так худ
(невеста, невроз, геморрой, нищета ли)
читай троеточье: потерян мой хут...

Дом – день одиночеств (что ночь – не считаю!)
Лжедмитрий фонтанов! «Лже» – значит – лгать,
Не лгал бы – была бы твоя Московия.
Но свадьбы – не судьбы... И, помнится, тать
тогда еще, в молодости моросила.
Так век пятерчат – не треперст. Перестань!
Тут минула молодость. И не могли мы...
Оплакан опилками... О просто так –
венчанье второе у Мнишек Марины!
Писатель стихов! Я – писатель? О тень
азов алфавита, – ах арфа в партере!
Не я, не писал, не пишу, – дребедень!
Читай одноточье: мой хутор – потеря...
О как оболванен, о-пять обнесен,
как зек на закате картофельной хунты.
Наш кладезь – на ключик! А саун – овсом!
Ах, глупость! кому он без нас, этот хутор?
Нас, деторожденных без тыла-отца,
(растлители в рясах, целители ложью!)
Вот ходит, как дохлая вобла – овца...
Истерика детства: где Белая Лошадь?
Вот бабочка в бане... Да будь ты! Очнись!
(О жить – целовать тебя всеми губами!)
На лыжном трамплине – паук-альпинист...
Булавка была бы – найдется гербарий!..
Чей праздник здесь жил, волосами звеня?
Чьи флейты мистерий? Чьи магий мантильи?..
Меня не любили – болели меня...
(Чье сердце столиц?)... и, естественно – мстили.
Дай зеркало, друг! Дай стекляшку (где сталь?)
О мим-монголоид! С сумою семантик!

Я плачу?.. Смеюсь... Я достаточно стар,
чтоб с крысами в креслах читая смеяться.
Что глуп ли глагол, искренность или грим,
писатель – не я, я – лишь я и простите...
Вам все объяснят феминетчицы рифм
и прозы писатели: прозервативы.
«Кайфуют» мой хутор они, близнецы...
Сюда бы дракона. Но за неимением
жевали шашлык три-четыре овцы,
закатные пчелы летали, как змеи.

.....
Опять «о поэзии»... Не соловьи.
Не путаники. Неспроста получилось.
**ДУХ СВЯТЫЙ ЗДЕСЬ ЖИЛ. Я ПИШУ ДЛЯ СЕМИ,
А КТО ЭТИ СЕМЬ – я потом перечислю.**

ТРАДИЦИОННОЕ

I/7

Я буду жить, как нотный знак в веках.
Вне каст, вне башен и не в словесах.

Как кровь луны, творящая капель.
Не трель, не Лель, не хмель, не цель... не Кремль.

Мечтой медведя, вылетом коня,
еж-иглами ли, ястребом без «ять»...
Ни Святополком (бешенством!) меня,
ни А. М. Курбским (беженцем!) – не взять!

Люблю зверей и не люблю людей.
Не соплеменник им я, не собрат,
не сотрапезник, – пью за звезды змей,
или за Нидерландский вал собак!

На дубе древа ворон на беду
вам волхвовал крылом шестым, что – ложь,
что – раб, что – рвань, что – рано на бегу
в лесу, где в елях Емельяна дрожь.

Вран времени, лягушка от луны,
я буду жить, как волчья власть вины.

Как лис, Малютой травленный стократ,
Малюту же: ату его, ату!
На львиных лапах зверь-аристократ
в кунсткамере покуда, не в аду.

И если я, не «если» – я умру,
я ваших вервий – петли не урву.

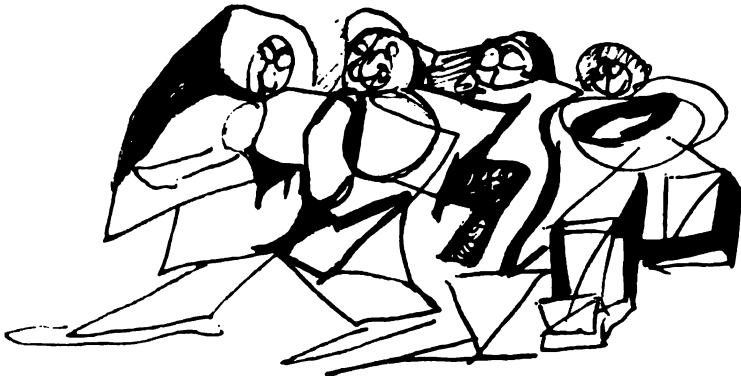
Я варев с вами – не варил (о рвот!)
Не рвал серпом трахеи (для таблиц!)
Не я клеймил ваш безглагольный скот.
Не воровал я ваших варвариц.

Рожденный вами, вашим овощам
от счастья... – глобус бы не погубить!
Вы – сами! Я себя не обещал,
не клялся классам, что и мне – не быть.

Не нужно тризн. Не тратьте и труда.
Я буду жить, как серафим-беда.

Как Коловрат (лишь он Монголу – «нет!»)
Как Див-война – еще на триста лет.

Как свист совы над родиной могил.
Как воды Волги (кто и ее убил?)...

БЕССМЕРТЬЕ В ТУМАНЕ

I/8

Радужные в тумане мыльные пузыри – фонари.

Спичку зажжешь к сигарете – всюду вода, лишь язычок в трех пальцах – звезда.

Тикают по циферблатам цикады... пусть их, их цель... Пульс и капель!

В небе – нет неба. Август арктический, или оптический
очи-обман?.. Ночь и туман.

Хор или ноль?.. Ходит, как нож с лезвием чей-то ничей человек.
Целый век.

Ходит, складной (с кляпом? каникулы?)
и никак самого себя не сложить.
(Как в слезах! Как в глазах!). Стало жить неумогиу...

Но наготу ни лезвия не боится
и что ему чьи-то «нельзя», но не готов ноготок.

Как научился (на «у» или числа?) так не уметь – не умереть?

Или надеется, знает (незнаемый!) все про любовь... и кровь?..
И... – вновь?

Или бессмертье – больше близ смерти?.....
Голос мой! Логос мой!

В ЗАЛЕ ЖИВОПИСИ

I/9

Элизиум-зал был в забралах и в людях,
в бациллах любви, в мефистофелях флегмы,
в окнах и в холстах, в зарешеченных люках...
Две флейты играло, две флейты.

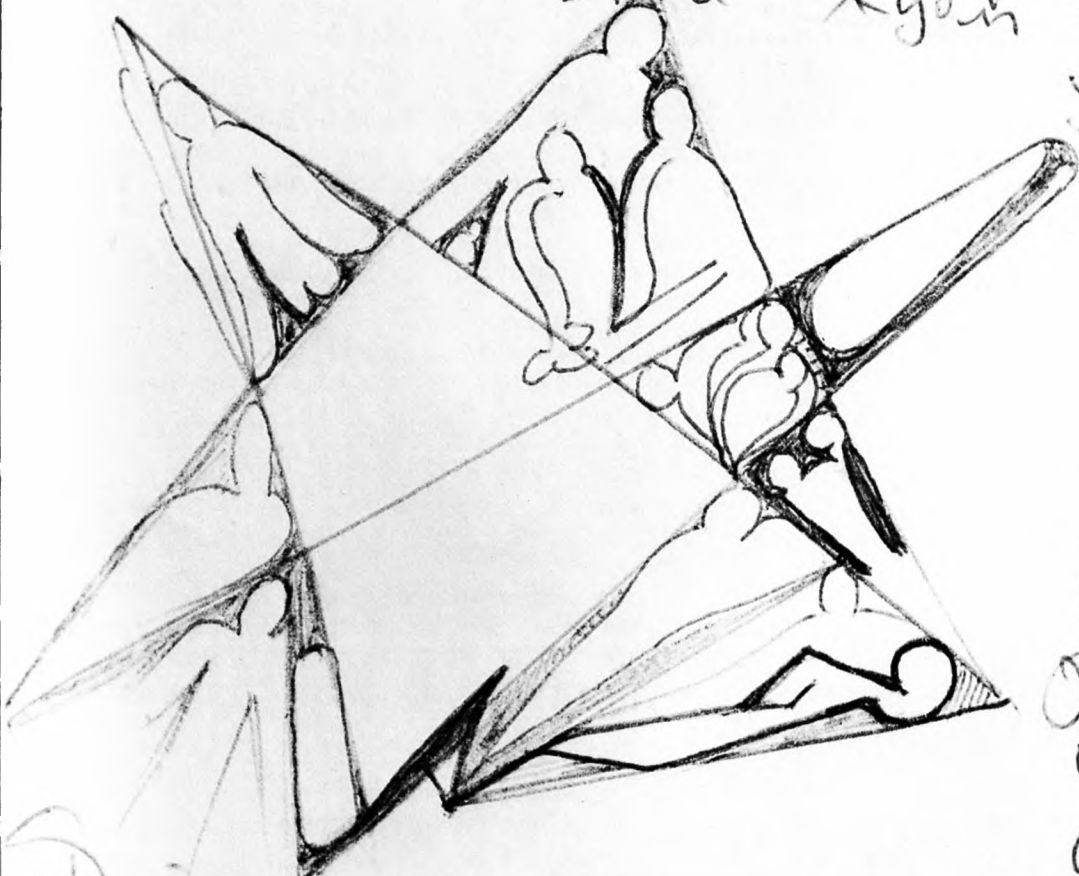
У Бога у губ, киноварь и мастика,
малиновый мед, и ресницы смеются,
в отверстиях олово, Змий и музыка:
две флейты играло, как два Семиуста.

Растение рая, перчатка из лайки,
зеница монгольская, маска да грива, –
девица с двойными глазами (и златы!)...
Две флейты играло – два дива!

Ценитель-цербер, бубенец каравана,
о милый послушник налим-посетитель...
И только моя голова горевала,
что нечего чтить, некому посвятиться.

Paul Xyan =

Pygmy noblemen
we get a new
enemy
modern
deputy

ТЕРЦИНЫ (ПАМЯТИ ЛИЛИ БРИК)

I/10

*Уйдет к себе и все забудет.
Н. А.*

Ушла к себе и все забыла.
Москва не родила капель.
Молва пилюль не золотила.

Ложились люди в колыбель,
включая лампу, как ромашку...
Оплакал я, – не храм, не Кремль.

Позволю первую ремарку
о пуговицах за слова –
как вор коварную рубашку

снимаю перышки, Сова,
знаток Зеркал, я отвечаю:
ушла к себе, ушла сама.

Не одарила воды к чаю,
не одалиска, – по любви.
О чем поэты? – одичали,

не отличая поля битв
от женщины музык и жеста,
поэтому-то полегли,

к жерлу прижав пружины-жерла...
Не собеседник на суде,
не жалобщица и не жертва,

без пантомимы о судьбе,
без эпистол, без мемуара
она – одна! – ушла к себе.

Царица мира, – не Тамара,
о не Сиона!.. Сущий сон:
в сих пузырях кровей кошмара

какая Грузия! Сион!
Грузин Ваш – грезил. Оболванен
лафетом меди, – мститель он!

Освистывает обыватель.
Знак зависти – павлиний глаз.
Второй ремаркой объявляю:

еврейства ересь... им далась!
(Ах я ль не лях, – Аллаху – лакмус!)...
Нимб времени и лир – для Вас.

Так лягут лгать, включая лампу.
Монгольский молот под кровать –
в электролягушачью лапку! –

Свой тартар поутру ковать,
звать звездами вверху стекляшки
и что не я – грехом карать.

Уснуть устам. Сойти со стражи
к себе, самой, – как сходят с рук.
Библейской болью: стой и стражди! –

(как стар костер!) – созвать на звук.
Но... Мумии вины Левита
у скал искусств... мурашки мук.

Но звук за век (ах от любви-то!)
зовет за око – Вий в окне!
Но в мире мер в сосуде литра

отнекиваться на волне...
(Ах щит Роланда, счет Гарольда!)
Вы – объясните обо мне.

Последнем Всаднике глагола.
Я зван в язык, но не в народ.
Я собственной не стал на горло.

Не обращал: обрящет род!
Не звал к звездам... Я объясняю:
умрет язык – народ умрет.

Где соль славян? О опресняя
в мороз моря... Раб – не для бурь.
(Агония обоснованья!)

Но нем в номенклатуре букв
и невидаль ли в наводненье
автопортрет мой – Петербург?

Ремарка третья: над Вандеей
гитары гарпий, флейты фей.
У нас семь пятниц на неделе:

то белены, то юбилей.
Москва! как много... в говорильне
в бинтах кровавых – фонарей!

Но ум у мумий, – гамадрилы,
мессии мяса, – племена!
На нас мундиры голубые,

мы в силах все – переина...
На берегах Отчизны – Стикса
припомните им про меня!

Страницы в море жгла синица
секретов сердца, – тот театр!
Имея меч – теряться с тирсом?

У винных вод – и ты, Тантал?
Двусмысленны все постаменты
на территории татар.

Нам жизнь не в жизнь, но все –
посмертны...

Лишь жалоба календарю:
что я последний Вам в последний

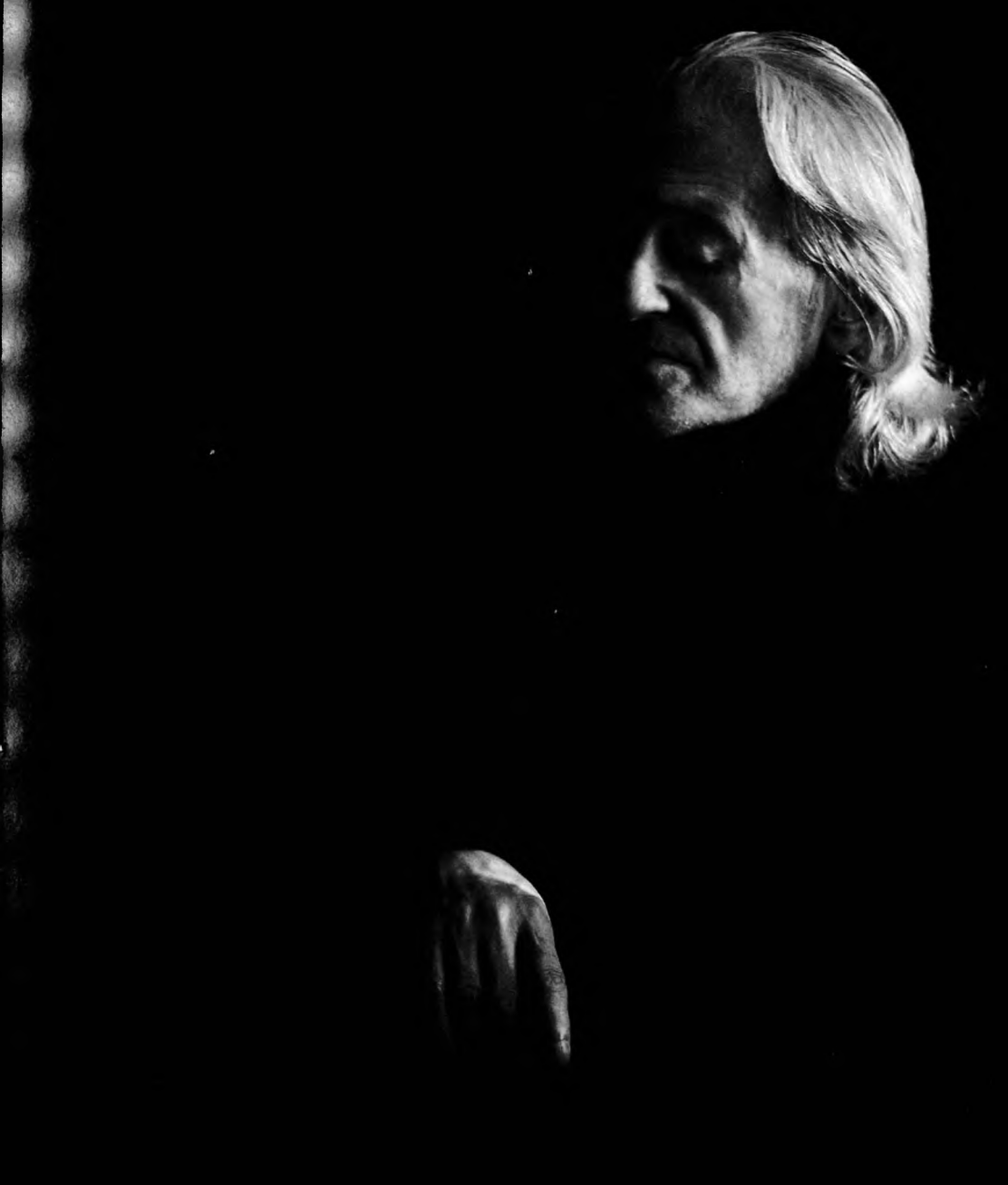
уж ничего не говорю!

ПОСЛЕ ХАДЖА

По-настоящему поэт начинается в тот момент, когда встает на горло собственной песне. В метафизическом, а не в конъюнктурно-политическом синониме смысла. Как писал Виктор Соснора в «Доме дней»: «До 30 лет я выступал на сценах, поя, в роли воскресителя усопших. И слава моя затмила (осветила?) мир, советско-заграничный. Но вдруг как отрезало, я совершил хадж, ушел в глушь и пил. До смерти». В «Избранном» мы слышим этого «второго» Соснору, Соснору после «хаджа». Опыт посмертного существования вошел в стих, как толченое стекло в сонную артерию, и сжег кровь, и прокалил дамасский глагол дотла.

Это тот же опыт, что заставил вздымать глухонемые валы сонат Бетховена, а Гойю, непревзойденного мастера серых и жемчужных тонов, писать коленями и кулаками, размазывая по холсту краски цвета вара; это он напялил на подростка Рембо костюм огородного пугала и вставил глаза мертвой рыбы графу Лотреамону на утренней прогулке по Дарьяльскому ущелью; это он скормил кошачью голову беспалому Паганини и разбил хрустальную математическую сферу Эдгара По. Смотри (и слушай) «Балладу» имени его переносицы на втором диске.

Другой пример – история об андалузской левиге Пасторе Павон по прозвищу Девушка с Гребнями, рассказанная Лоркой. Однажды Пастора Павон – «сумрачный испанский гений, равный по силе фантазии Гойи или Рафаэлю Эль Галью», – пела в одной таверне Кадиса. Она играла своим грудным голосом, тягучим, как расплавленное олово, мягким, будто утопающим во мху; гасила его в прядях волос, окунала в мансанилью, вводила его в далекие, угрюмые заросли. Но все было напрасно: слушатели неодобрительно молчали. Тогда Девушка с Гребнями вскочила в бешенстве, волосы ее спутались как у средневековой плакальщицы, она залпом выпила стакан огненной касальи и снова запела. Запела без голоса, без дыхания, без оттенков. Пасторе Павон пришлось смести все украшения песни, потому что она знала: ее слушает взыскательная публика, которой нужна не форма, но самый нерв формы, «чистая музыка в легкой оболочке, способная парить в воздухе». «Голос ее уже не играл, он стал потоком крови, бесподобным в своей искренней муке, он тянулся, как тянется к пригвожденным, но полным бури ступням Иисуса рука с десятью пальцами в скульптуре Хуана де Хуни».

Виктору Сосноре – 70. В это трудно поверить. Он по-прежнему в строю, по-прежнему – пересмешник корнесловия, гоплит усыхающей альпийской империи, той, что 6000 футов над уровнем человека по шкале Катулла (и Ницше, Ницше конечно!). Римский профиль, русская штыковая. Патриарх, чьи ассонансы рубят, колют, режут берестяную грамматику славянизмов и свертывают это небо с пугачевский тулупчик в звездную азбуку державной побудки. Эй, молодчики-купчики, чем стал ваш стол яств?

В начале было «Слово о полку». «Внутренние рифмы. Разностопные стихи. Сны. Плачи. Грабежи. Сцены битв. Песни. Гимны. Шесть сюжетов. Звукопись. Ирония. Изошреннейшая ритмоударность. Мужественный взмах коней. Живописания. Автор живет полноценной грудью. Не скальд, не Роланд, не византийство. Нет эротики. Нет слова Бог. Нет креста. Солнечное затмение. Лисы, орлы, шакалы. Это русский язык в красках крови». Иная, но тоже традиция. Есть где преклонить главу. Слово – это солнечное затмение, инверсия, эллипсис, обугленная головешка грифельной оды. С чего начать?

«Алкоголизм истончил мою кожу, удивительно юношеская, буду обшивать ею, любоваться (когда сорвут)». Это про Марсия. Но и про бога войны, и про трубу марсиан. Они не любят свернутых рукописей и над всем, что сделано, ставят nihil. Отсюда европейский нигилизм, ничевоки, «Выбранные места из переписки с друзьями», компьютеры, копирайт. Он хотел быть понят своей страной. Когда-то вел «Лито» в ДК совнаркома Цурюпы на Обводном канале и из дидактизма, за неправильные деепричастные обороты, клевал юношей прямо в сосок. Голос мэтра уже тогда скрипел под стать будетлянскому дубу из эстляндского Лукоморья, в который ударила молния, он приговаривал к стихам, но мог договориться и до пожизненной гражданской поэзы. (Спасал эстетизм и Азорские острова, упавшие на лапу Азора.) На стол ставился мэтроном, начинались чтения. Новичок дрожал. Мэтра трепетали, он носил в голенище испанского сапога (подарок иностранного легиона) перочинный ножик, тот самый, которым мадмуазель Триоле зарезала арагонца за триолет, посвященный другой. Он был самый элитарный изгнанник русской литературы, и трактовал свою ситуацию, но без черного юмора, еще шире: изгнанник из жизни.

Виктор Соснора. В самом этом имени роковым образом соединились победоносность (виктория) и отчаянный зов терпящего крушение (SOS). Самовитое вавилонское многоголосье, обугленное в печи самостоянья. Ибо, как сказал другой поэт, необходимо понять, что быть художником – значит терпеть неудачу так, как никто не осмеливается это делать, что крушение – это и есть мир художника, а уклонение от крушения – дезертирство, умелое ремесло, хорошее хозяйничанье, проживание. Я поздравляю русскую литературу с 70-летием Виктора Сосноры.

Александр Скидан

CD

2

БАЛЛАДА ЭДГАРА ПО

II/1

Бил Верховный Час: двенадцать! Думается, что мне делать
над финалом фолианта Знаний Индии и Дня?
Змийка с глазиком бурлила в колбе винного бокала.
Глаз-фиалка, глаз-фиалка заморгался у меня.
«Древо Знания» – дурь за темя: «Мир лишь звон, а мы лишь звеня»...
Вот ворвется с тростью Зверя
Гость!

В сорок третьем декабре мне соль Столиц – свистулька в Бремне.
Мой камин – как мак! – спиралью электричества у лир.
Я смотрю в санскрит, – смеяться! Пью – о сеть сердцебиенья!
Что слеза моя стрекозья – бюсту женщины Линор!
Я, блюстител фразы, Муза, здесь на чердаке маразма,
где в оконце – из мороза
лавр!

Как из Индии за Невский запахнемся занавеской
за Нью-Йоркский-гост Леньградский: «кто там тростью в стекла бьет?»
Может, молотком из бронзы сам Э. По, скиталец бездны,
хочет мой лимонец брынзы съесть, связать меня за бинт?
Но мы с ним, как с че-ловеком По-дойдем лечиться к чашам,
руки к рукописям, к чтеньям, –
Брат!

Стужа, стужа у камина, припустил я два колена,
встал я – столб у кабинета! – и в оконце дал вопрос:
– Сэр, – спросил я, – что ж вы бьете тростью в стекла, как в балете
Люцифер в цилиндре? Бросьте! – все описано о вас.
Улица переобута фонарями Петербурга,
двор-дворец, петух-петарда, –
вальс!

Люстры, все танцуют гибель, в кресле из сафьяна Гоголь
усмехается с власами... Ус махается, Денис!
Гоголю еще семнадцать. Площадь же уже Сенатска.
Пушкин вычеркнут из списка. Лермонтова «демонизм»
еще ящеркой в ресницах, еще рано на рапирах
днесь!

Что вам, Эдгар, наша Росса? Ваши рифмы – Аараф-роза,
наши рифмы – риск и розга и кираса и Иркутск.
Где вам с рюмкой-Реомюром – с нашим спиртом-Цельсий-рудам
у Урала? – Улялюмы? Крестной кровью – из Искусств?
Ваша дамская свинина – для дамасского сонета?
Русский мальчик – с револьвером, –
икс?

Вот грядет он в бакенбардах, вот грозит Кавказу в бурках,
в лодке-люльке на Лубянке пишет с пулей: «не винить...»
Вот он в «Англетере» вены водит бритвой, – мы виновны,
напустили крови в ванны и купаемся во вних.
Наши женщины Елабуг, Рождества и в петлях елок,
А не Аннабели Яблок
ведь...

Я открыл окно из тучи: рассекретить тайность трости.
И взошел, бесцеремонен, ворон племени ворон.
Именно: как пиротехник лапой встал на подоконник,
он Линор мою, как мрамор – осмотрел со всех сторон.
Он за крылья и не взялся, когти взял, на бюст взобрался,
сел, и что ему воззванья
вин!

Все же я воззвал: «Ты выбрит, с хохолком, а Дух мой вылит
в чаши. Кто есть кто их выпьет? – Ты пророк и я писец.
Если выпьем – ветер выйдет в Индию. Ну кто вам верит,
золотой, зловещий вырод с носом мифа? Не певец.
Ты не трус, физиономья, Гость из Книг, Труба финаля...
    Как, ответь, твоя фамилья,
        птиц?

«Никогда!» – ответил птиц мне... Дикция-то радьо-песне!
Мужа речь. Два льда в две чаши? Или – в залп и не до льда?
Я, с лицом не социальным, с серпами волос и с сердцем,
осчастливлен созерцаньем врана класса «Никогда».
Я раскол внесу, как Никон, в птицеводство, птиценигиль,
    именем таким, как «Никог-
        да!»

Существо сие в бинокле сидит на скульптуре-бюсте,
перо в перстнях и в наперстках, с пряжкой в башмаке – нога.
Пожалей меня, варягу... (на звездах друзья! – вдруг вздрогну,
я писатель письмен в строку, – ни двора мне, ни кола).
Грустно мне, о град Царь-Токарь!.. Не бросай меня и ты хоть,
    будем в масти вместе тикать...
Вран мне – в рот мне: «Никогда!»

Рот мой – ряд парадонтоза, а язык – лишь перифраза...
От Иркутска до Парижа и к Варшаве чрез Тюмень, –
телефоны-лафонтены: я повсюду ел лимоны,
фруктожвачное, я лимфы из посуды пил в темень.
Жуть жива: чердак и чаша, клавиши, чайнка Часа,
    в форточку балтийска чайка –
        День?

Что ж ты подразумевала, птиц мой, вран мой после зала,
где мой Рим рукоплескала публика оваций-сцен?
Как я жил и с каблуками как я шел и как балконы –
в цветиках под колпаками! – Карфаген и Сципион!..
Как твердил меня червонный туз мой, Герман, тост чиновный,
нелюдь я, – он Человечий
Сын!

Что ты сидишь, си-барита, Ев англист от Серафима,
ты – гостилец мой, зачем ты философию заучил?
Не Линор ли шла, звенела платьищем по доскам Звука,
но по звуку не закапать – микрофон озвучен в зал.
Залпом, залпом! – пей мой за Ли-нор, за Сорок – Век Зозули!
Струнки в странках: все мы Звери, –
льзя ль?

«Никогда!» – ответ. Я думал: ты вещь жива, дай Бог – дьявол,
буду жить, как ты ж, у дуба – ни Линор и ни труда.
Но ответь мне: в том тартаре встретимся ль мы с ней и так ли,
пусть не в ситце, не в тиаре (извещен я: нагота!).
Будем ли мы там и те ли? – души пусть! – не трать о теле,
говорить хоть с глазу – то ли?
– Никогда!

Будь ты проклят, птиц-заика, Nevermore есть слово знака
из латыни льдинка звука, – испаряется вода.
Ты, владелец птичьа тельца, ты, оратор, ты, тупица,
так в моем санскрите текста этот знак уже – вражда.
В этом доме на соломе, в этом томе на слаломе
мифов, грифов, – веселее
нам, висельчакам «всегда».

Есть «всегда» для нас цитатник: «Во саду ли Ганс Цыпленок,
в огороде ль Кюхельгартен, в результате ль Бухенвальд?»,
то есть Книжный Лес, а в оном – мой Читатель, – о не овном! –
с перстеньком и с омовеньем сам идет с костями бед,
в лакированной перчатке бьется в тесной он печурке,
мы смеемся; – Пой по Чаше,
бард!

Вран «всегда» сидит на бюсте, я «всегда» пишу в бумаге
тыща первый и две тыщи семьдесят девятый год.
Он с глазами, я с глазами. Оба смотрим в оба: гири
на Часах!.. И с градусами в наших чашах го-о-лод.
И «всегда» Линор из ситца яды пьет в Нью-Йорке секса,
И Священного Союза
гимн!

СЕМЕЙНЫЙ ПОРТРЕТ

II/2

Труд Гертруды окончен.
Одинокие Римы,
смотрят люди в оконце,
уши – парные рифмы.
Личики как яички,
на челе – единички.
Смотрят люди в оконце:
в каждой лампе – огоньце,
у Луны молока нет,
а Луна – молодая.
А два уха людские
при Луне – ледяные.

Я иду по Афинам
скифом – по анемонам.
Колизея колонны.
Вам, Варшава, – каналы.
Прага из парафина.
Эст – в холмах Парфенона.
На Монмартре – Манхэттен...
Въезд в Фонтанку под ливнем,
Медный Всадник – макетом,
цепь на мостике львином.
У оконца Ленива
ждет меня, – Михаила:
я бутыль люминала
взял за рубль в магазина.
Я смотрю с интересом:
Кесарь я или слесарь?

О не от люминала
под луной Ленинграда,
я умру до Урана
в трюмах рудник-Урала,
нет в тех трюмах оконце,
околем у околиц
незапамятным Киршей,
как предсказывал Китеж.

Над Евангельским ранцем
откуют совы свиста
в русском, в райском и в рабском –
в трех синонимах смысла.

Завтра звездное солнце
закукует в оконце.
Встанут в странах со млатом
Труд, Отвага и Младость!
Им ли гримы Гертруды,
ильмень-грифельны грусти...

Жизнь моя! Ты – мечталка,
с рифмами дурачонка,
старушенца-мальчишка,
стариканца-девчонка.
О одумчивость духа!
Тяга к девобелугам...
У меня вот два уха.
хладно им, бедолагам!

II/3

В твоих очах, в твоих снегах,
я, путник бедный, замерзаю.
Нет, не напутал я, – солгал.
В твоих снегах я твой Сусанин.

В твоих отчаянных снегах
гитары белое бренчанье.
Я твой солдат, но не слуга,
слагатель светлого прощанья.

– Нас океаны зла зальют... –
О, не грози мне, не грози мне!
Я твой солдат, я твой салют
очей, как небо, негасимых.

– Каких там, к дьяволу, услад!
Мы лишь мелодии сложили
о том, как молодость ушла,
которой, может быть, служили.

ПЕРВОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ 1973 ГОДА

II/4

В кровавых лампах оплывших окон – фигуры девок!
тела на лапах в лохмотьях елок, – о, жизни древо!

В очках все очи, сосцы – под лифчик, пупки под пряжки,
под животами пониже – листик, а дальше ляжки,

зады мы любим, они – как солнца! – а возле, возле
младые люди, и все в кальсонах, и все в волосьях,

и очень сзади, и очень спереди хвостаты:
чуть-чуть де Сады, страдальцы спермы, чуть-чуть кастраты,

им – катапульты, электро-списки, дела! девизы!
графин капусты, конфетку спирта, каркас девицы,

есть гастрономо-и-астрономио-бутылки,
есть труд и Тартар, а остальное – блюдет будильник.

В оплывших окнах – дыханье Духа! – муляж к муляжу:
и око в око и ухо в ухо и ляжка в ляжку!

Так неужели всегда так будет: бессонниц купол,
теней ущелье – театр Кабуки, кривлянье кукол?

А там – как пели? В стаканах стенки цвели кристаллы.
Крутил Коперник по небу стрелки, шумел костями.

А там – в сортирах не брезжил, таял звонок в брезенте.
Луна светилась, как золотая башка бессмертья!

Так неужели ты так и тонешь в огне огромном,
душа моя – слепой детеныш, бред эмбриона?

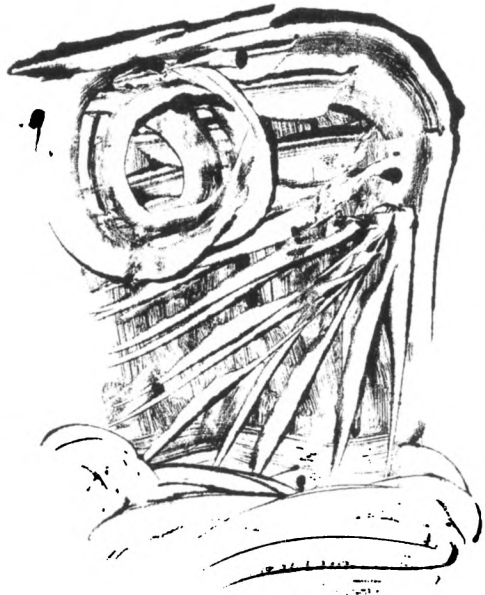

Я оставил последнюю пулю себе.
Расстрелял, да не все. Да и то
эта пуля, ~~закутанная~~ **СТАИТА Я** в серебре, –
мой металл, мой талант, мой – дитё.

И чем дальше, тем, может быть, больше больней
это время на племя менять.
Ты не плачь над серебряной пулей моей,
мой не друг, мой не брат, мой – не мать.

Это будет так просто. У самых ресниц
клюнет клювик, – ау, миражи!
И не будет вас мучить без всяких границ
мой ни страх, мой ни бред, мой – ни жизнь.

II/6

Я вышел в ночь (лунатик без балкона!).
Я вышел – только о тебе (прости!).
Мне незачем тебя будить и беспокоить.
Спит мир. Спишь ты. Спят горлицы и псы.

Лишь чей-то телевизор тенора
Высвечивает. Золото снежится.
Я не спешу. Молений-телеграмм
не ждать. Спи, милая. Да спится.

Который час? Легла ли, не легла.
Одна ли, с кем-то, – у меня – такое!
Уже устал. Ты, ладно, не лгала.
И незачем тебя будить и беспокоить.

Ты посмотри (тебе не посмотреть!),
какая в мире муть и, скажем, слякоть.
И кислый дождь идет с косою, как смерть.
Не плачу. Так. Как в камере. Как с кляпом.

Ночь обуяла небо (чудный час!).
Не наш. Расстались мы, теперь – растаем.
Я вышел – о тебе. Но что до нас
векам, истории и мирозданию?

В такие вот часы ни слова не сказать.
А скажешь – и зарукопещут ложи.
А сердце просит капельку свинца.
Но ведь нельзя. А то есть – невозможно.

Не подадут и этот миллиграмм.
Где серебро моей последней пули?
О, Господи, наверно, ты легла,
а я опять – паяц тебя и публик.

Мои секунды сердца (вы о чем?!).
Что Вам мои элегии и стансы?
Бродяги бред пред вечностью отчет –
опавшим лепестком под каблуками танца!

Нет сил у слов. Нудит один набат
не Бога – жарят жизнь тельцы без крови!
Я вышел вон. Прости. Я виноват.
И незачем тебя будить и беспокоить

было...

ЗАВЕРШЕНЬЕ

II/7

Завершено. Книге нашей конец.
Храм, – и живи! Гнезда-ласточки птиц.
Цоколь злащен. В цепях фундамент колец.
Фрески – моей любви, Женщина, или твоих лиц.

Тебя отобрали, моя, отобрали от «О».
Брал кто хотел, – о, эта ярмарка хамства Сарая!
Брали больней, чем от ребра брал Бог,
Дух сотворяя, Круг сотворяя, Двух сотворяя.

Храм – хоронили: ласточек – в око, в лет,
злато лизали, кольца – для уха черни,
фрески – по камушку, чтобы дышал живот,
у очага, чтобы каждый кирпич – для чтенья.

Что ты наделал, я? Смерть двух сердец –
ужас! – в кроватях предательств читателей, чтниц,
в склянках лекарств, в свекольниках вин книге нашей – конец.
(Балл библейский! Теперь – типографский текст страниц).

Тебя отобрали, моя, от «О», и ор
вранов бенгальских морей двух душ – суп с сухарями! –
с травкой теперь жует трудящийся хор,
день сотворяя, дом сотворяя, дуб сотворяя.

Ты, мой соратник! По буквам тебя любил.
Кровь отливал в колокола текста.
Книге – конец. И тебя уже убил,
хоть еще ходит где-то имя твое и тело.

II/8

Рисованье кувшина, будто он ню,
рот, неспящий, при полной луне засыхает,
это память вибрирует в желтых тонах,
рученьки белые, лягут.

Это волки кричат с далёких камней,
слышимы беглый огонь, и луна, и бокалы,
плач забытых теней, берег смытых дней,
ночи безумные, очи!

Небо не ценит, если металл устал,
и поднимает удар на летящих, неловко,
и срываются корабли с механизмов туч,
рученьки белые, бьющиеся.

Тех, кто любил, никому не скажу,
лодки не слёзы, их крепят цепями,
ночи безумные, рученьки белыя,
ночи да очи!

Дар напрасный, дар случайный,
что ж ты вьёшься надо мной,
что ты ставишь в руки смерчи,
эти речи у немых?
Что ж ты бьёшься, как астральный,
в шелке листьев кимоно,
разобьёшься, и оставит
лишь рисунки на камнях.
Луны сникли, вина скисли,
дух уходит через рот,
как тоскливо в этом скользком
грязном мире, – от чудес!
Смерть на веслах, на пружинах
под коленями стоит,
и зубами перед жизнью
ничего не говорит.
Неповеды, немогумы,
что срисовано у букв?
Смерть зовётся по-другому,
с пеной красится у губ.

Но нет! Мы были! а я говорю – нет,
как Нибелунги, раз их нет на сцене,
и отняты только юность и м. б. ж-знь,
но Троя, Египет, и Дарданеллы с нами.
Перед нами дрожали Дарий и Тамерлан,
когда мы ставили перед войском голые ладони,
от рёва морей до гремучих песков
как мы стояли на куполах, отводя оружие.
Убиты заряды, живут пыжи,
а помнится конница всех реляций,
не хочу ни страны, ни струны, ни войны,
а продолжаю ставить руки.
Пой! Не поётся! Живи! Не могу,
не живётся небесный алмаз в известной слизи,
как не летится, когда с билетом рейс,
как Небо низко, и каплет, и каплет!
Как не найдёшь живоговорящие глаза,
как ни наденешь голову, она сквозная,
как ни бьёшь копытом эту тупую Ось,
выбьёшь только свою ногу из колена!

.....

Сердиться не надо, мы ведь в стремени случайно,
сурдинок не надо, что несбыточна мечта,
сэр, дикций не надо, как порошок – и эта тайна.
Септимы, помада, – в **этом** тайме – «красота»!

**В ту ночь соловей не будит меня,
в ту ночь была тишина,
в ту ночь на ветре пел соловей
с вершины Черной горы.
И Он у ног положил туман
и капли бронзовых слёз
за всех бездомных и кто не смог
дойти до Черной горы.
И кто не смог долететь до звёзд,
и кто от Солнца устал,
за всех, кто плыл и кто не смог
доплыть до Черной горы.
И, полон слёз, Он стоял на льду
вершины Черной горы,
за всех воздушных, морских, земных
включил Трубу тишины.
И стало так, и такой покой,
что и соловей не смог.
– О спите, спите до Новой Зари!..
А люди были мертвы.**

Публикации на русском языке

Стихи и поэмы:

- Январский ливень. — Л.: Советский писатель, 1962.
 Триптих. — Л., 1965.
 Всадники / Предисл. Д. С. Лихачева. — Л., 1969.
 Аист: Стихи. — Л.: Советский писатель, 1972.
 Кристалл: Стихи. — Л.: Советский писатель, 1977.
 Стихотворения. — Л., 1977.
 Песнь лунная. — Л.: Советский писатель, 1982.
 Избранное. — Апп Агвог: Ардис, 1987.
 Возвращение к морю. — Л.: Советский писатель, 1989.
 37. — СПб., 1993.
 Ремонт моря: Сцены. — СПб.: Б-ка альм. «Петрополь», 1996.
 Верховный час. — СПб.: Петербургский писатель, 1998.
 Куда пошел? И где окно? — СПб.: Пушкинский фонд, 1999.
 Флейта и прозаизмы: Книга стихотворений. — СПб.:
 Пушкинский фонд, 2000.
 Девять книг. — М.: НЛО, 2001.
 Двери закрываются: Книга стихотворений. — СПб.:
 Пушкинский фонд, 2001.
 Поэмы и ритмические рассказы. — М.: Библиотека
 журнала «Футурум АРТ», 2005.
 Куда пошел? И где окно? — СПб.: Пушкинский фонд;
 АЗИЯ-Плюс, 2006. Аудиокнига.

Проза:

- Летучий голландец. — Frankfurt/M.: Посев, 1979.
 Властители и судьбы. — Л., 1986.
 Башня. — СПб., 1993.
 День зверя: Роман. — Львов: Галицькі контракти, 1996.
 Дом дней. — СПб.: Пушкинский фонд, 1997.
 Книга пустот. — СПб.: Пушкинский фонд, 1998.
 Камин NEGEREP. — СПб.: Пушкинский фонд, 1999.
 Проза. — СПб.: Амфора, 2001.
 15: Книга эссе. — СПб.: Пушкинский фонд, 2004.

Издатель также рекомендует статью Андрея Арьева
 «НИЧЕЙ СОВРЕМЕННИК (Виктор Соснора: случай
 самооскрещения)» в Интернет-проекте «Русский Журнал»
<http://magazines.russ.ru/voplit/2001/3/ar.html>

Виктор Александрович Соснора

ИЗБРАННОЕ
стихотворения в исполнении автора

Вёрстка *Ирина Болотина*
 Корректурa *Евгения Логвинова, Елена Ходова*

Подписано в печать 10.04.2006. Формат 70x75/16.
 Бумага мелованная. Гарнитурa Петербург.
 Печать офсетная. Усл. печ. л. 2,9.
 Тираж 500 экз. Заказ № 1579.

АНО «Студия современного искусства «АЗИЯ-Плюс»
 194100, г. Санкт-Петербург,
 пр. Б. Самсоновский, д. 68, лит. Д
 Тел. (812) 324-28-60
 Факс (812) 324-28-65

Е-mail: studio@asia-plus.ru
<http://www.asia-plus.ru>

ООО «Издательство Сергея Ходова»
 191144, Санкт-Петербург, а/я 184
 Тел. (812) 973-21-39

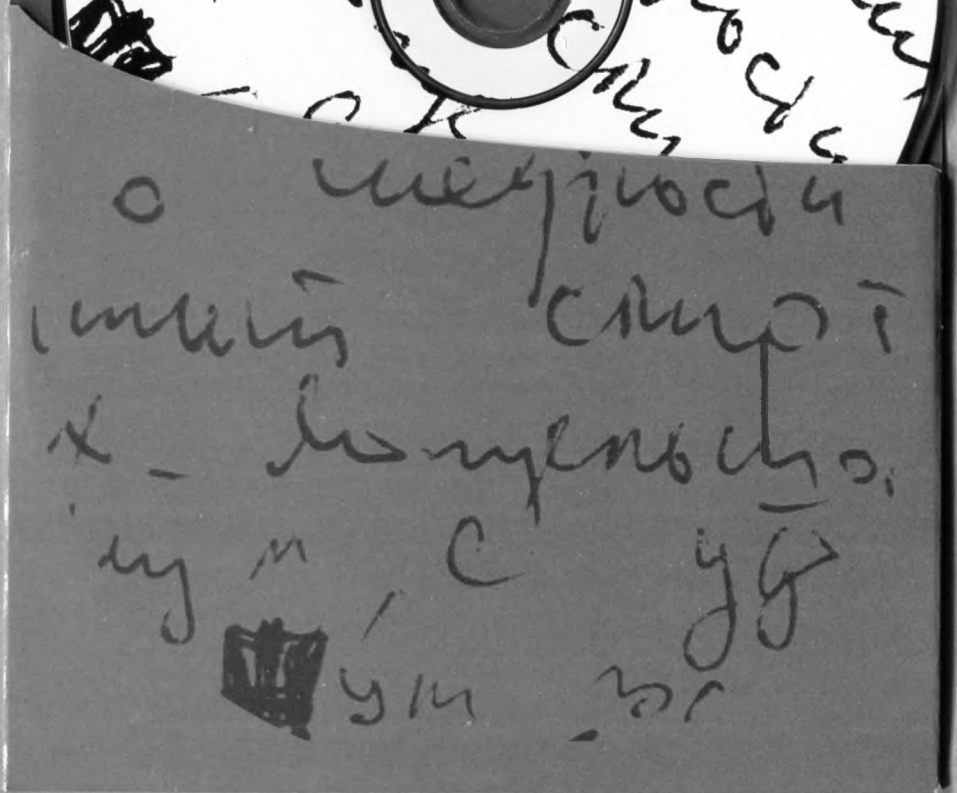
Е-mail: khodov@peterlink.ru
<http://www.khodov.ru>

Отпечатано с готовых диапозитивов
 в ОАО «Издательско-полиграфическое
 предприятие «Искусство России»
 198009, Санкт-Петербург, ул. Промышленная, 38/2

и промывку, и буфетную 94
контрагенте в баню. А что

аудио
книга

ВИКТОР СОСНОРА

избранное

DDD

ACD 037

CD I

Из книги

«*Знаки*» (1972):

1. «Искусство – святыня для дураков»... 4:26
2. Ты, близлежачий женщина, ты враг... 3:11
3. Литературное 5:31
4. Дождь-декабрь 4:12
5. Мухи 3:27

Из книги

«*Хутор потерянный*» (1976):

6. Хутор потерянный 10:22
7. Традиционное 5:20
8. Бессмертье в тумане 2:57
9. В зале живописи 2:57
10. Терцины 8:31

Общее время звучания – 51:57

CD II

Из книги «*Верховный час*» (1979):

1. Баллада Эдгара По 16:01
2. Семейный портрет 5:36

Из книги «*Тюстета*» (1963):

3. В твоих очах, в твоих снегах... 1:58

Из книги «*Тридцать семь*» (1973):

4. Первое стихотворение 1973 года 3:36
5. Я оставил последнюю пулю себе... 1:36
6. Я вышел в ночь (лунарик без балкона!)... 4:12
7. Завершенье 3:10

Из книги «*Куда пошёл? И где окош?*» (1999):

8. Рисование кувшина, будто он ню... 2:16

Из книги «*Флейта и прозаизмы*» (2000):

9. Дар напрасный, дар случайный... 2:22
10. Но нет! Мы были! а я говорю – нет... 3:33
11. В ту ночь соловей не будит меня... 2:11

Общее время звучания – 17:11

Виктор Соснора – стихотворения, чтение

Записано 11 июня 2005 года в Санкт-Петербурге

Звукорежиссер записи, сведения и мастеринга – *Александр Деревягин*, студия «АЗИЯ-Плюс»

Художник-фотограф – *Нина Ай-Артян*

Художественное оформление – *Ирина Болотина*

Кураторы проекта – *Евгения Логвинова, Николай Якимов*

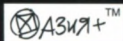
(с) 2006 Виктор Соснора (стихотворения, графика)

(с) 2006 Александр Скидан (статья)

(с) 2006 Нина Ай-Артян (фото)

(р) 2006 АНО Студия современного искусства «АЗИЯ-Плюс», СПб

www.asia-plus.ru

По вопросам распространения обращаться:

тел./факс +7 (812) 315 2618 E-mail: sale@asia-plus.ru

Все права защищены. Копирование, сдача в наем, аренду, публичное исполнение, передача в эфир или по кабелю без надлежащего разрешения запрещается.

Завод-изготовитель: ООО «Уральский электронный завод», 620066, г. Екатеринбург, ул. Коммуновская, д.17, ком. 203.
Лицензия МПТР: серия ВАФ № 77-15 ГОСТ 27667-88, ГОСТ 28376-89

ISBN 5-98456-019-4

9 785984 560191